

Глава II. Развитие невротической личности. (1895-1912)

*В пятнадцать лет,
Взлюбил я до печенок,
И сладко думал
Лишь уединюсь,
Что я на этой
Лучшей из девчонок,
Достигнув возраста, женюсь.*

1. " Край ты мой заброшенный..."

Истоки психологически сложного внутреннего мира Есенина нужно искать в его детстве и юности, когда формируются основные черты характера человека. Нормальное развитие ребенка часто нарушается различными неблагоприятными факторами. Они многочисленны и разнообразны и могут принимать различные формы. «В общем, они сводятся к тому, - пишет Карен Хорни, - что люди в его окружении поглощены своими собственными невротами, чтобы быть способными любить ребенка или даже просто видеть в нем ту уникальную индивидуальность, какой он является; их отношение к нему определяется их собственными невротическими потребностями и реакциями".

Весь комплекс этих негативных психологических реакций испытал на себе в детстве и Сергей Есенин. Его редкая индивидуальность, его божественный поэтический дар не был осознан ни его родителями, ни его окружением. Сложный характер Сергея сформировался в течение его детского периода жизни под влиянием наследственных факторов. Слишком много переживаний пришлось испытать Есенину в семье, несмотря на то, что относились к нему неплохо, воспитывая на свой деревенский лад, связанный с обычаями предков.

Психологическая неустойчивость поэта возникла вследствие переживаний от несколько грубой, по-деревенски злой и скандальной жизни своих родных, а также стрессов, полученных в результате неумелого традиционно-крестьянского воспитания. В этой главе мы увидим, каким сильным психологическим нагрузкам подвергался Сергей Есенин, несмотря на привольную деревенскую жизнь, так красочно выписанной в его тонких и нежных строках.

Когда говорят о Есенине, то всегда говорят о нем, как о великом поэте, который поднялся из глубин народной жизни. Любовь к Родине постоянно ставится в заслугу поэту. Мало того, поэтические образы его родного края, постоянно присутствующие в его ранних стихах и какая-то грустная нотка в описании "рязанских раздолий", трепещущая на протяжении всей жизни поэта в его творениях - все это дало право многим несколько идеализировать крестьянский быт, окружающий Есенина в детские годы. О влиянии воспоминаний детства на его творчество стало общим местом, тем более он сам не раз писал об этом в своих стихах.

Красота родной природы запала в душу Сергея и он не мог освободиться от этого наваждения всю свою недолгую жизнь.

Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила
Мучила и жгла.

Ландшафты рязанского села Константиново, которое "привольно раскинулось на правом берегу высокого холмистого берега Оки", были действительно красивы. Именно здесь родился поэт 3 октября (21 сентября по старому стилю) 1895 года

Однако любуясь красотой природы среднерусской полосы не следует забывать, что крестьянский быт того времени был жесток, патриархален, обременен нищетой и тяжким трудом на земле. Как и во всем бедном рязанском крае, константиновские мужики имели крохотные наделы, на которых ничего нельзя было вырастить. Поэтому, чтобы прокормить семью, крестьяне вынуждены были искать дополнительных заработков. Многие уезжали в Москву, в Рязань и другие города, устраиваясь чуть не с детских лет «мальчиками» на побегушках в пекарнях, в магазинах, в трактирах. Девушки также уезжали в города, становясь домашней прислугой; другие уходили с весны до поздней осени на торфяные разработки, где зарабатывали себе деньги на приданое и получали в придачу малярию и ревматизм... "Так обманчивы были приволье и ширь наших полей, - писала А. Есенина, - которые все пропитаны соленым крестьянским потом."

Нелегкий труд порождал и тяжелые, сложные характеры в крестьянской среде. Многие родители при отсутствии понимания слабости детской психики, подчас

коверкали или попросту психологически калечили своих детей. Поэтому истоки болезни поэта, причины развития его явно выраженного невротического характера нужно искать в той наследственной и социальной среде, в которой он рос и воспитывался.

2. Наследственные черты Есенина

Есенинское древо, как со стороны отца, так и со стороны матери было необычным, никак не вписывающееся в простой облик забитого и грубого раба земли. Все его ближайшие родные - оба деда, обе бабки, мать и отец, - были людьми необычными среди своих земляков. В них чувствовалась и тонкая душевность, и сильный характер, и огромная личная независимость, которая смешивалась с проявлением буйной стихии эмоций. Но Сергей перенял от них не только эти наследственные, необычные для крестьян качества. Буйство, упрямство, жесткость в личных взаимоотношениях, гордость, расчетливость, себялюбие, эгоизм - все эти черты характера его родных не только частично передались поэту, но и резко повлияли на его душевное развитие.

Дед поэта, Никита Осипович Есенин, в молодости готовился уйти в монастырь. Прожив холостым до двадцати восьми лет, Никита Осипович женился на шестнадцатилетней девушке Аграфене Панкратьевне Артюшиной. Никита Осипович много лет был сельским старостой, умел писать всякие прошения, пользовался в селе большим уважением за ум свой и трезвость суждений. Для деревни это было редкостным явлением, когда молодой человек больше заботится не о приобретении надела, а мечтает о жизни духовной, оставаясь девственником до женитьбы. Грамотность, мягкость в обращении, неумение в чем-то постоять за себя, тонкость натуры деда передались по наследству и отцу Сергея и самому будущему поэту.

После смерти Никиты Осиповича Аграфена Панкратьевна осталась с малолетними детьми: два сына и две дочери, из которых старшей девочке было четырнадцать, а отцу будущему Есенина двенадцать лет. Остальные были еще моложе. Вырастить такую ораву ребятишек без мужа было трудно, поэтому, когда Александру Никитичу (отцу Сергея) исполнилось тринадцать лет и он окончил трехклассную сельскую школу, Аграфена Панкратьевна через знакомых определила его «мальчиком» в один из московских магазинов. Помощи большой ждать не приходилось, так как «мальчикам» жалованья не платили и работали они только за хлеб и одежду. Чтобы прокормиться с

остальными детьми, ей пришлось пускать к себе на квартиру живописцев, каменщиков и маляров, которые обновляли в это время церковь и часовню, стоявшие посреди села.

Тяжелая жизнь вдовы несколько ожесточила характер Аграфены Панкратьевны, что потом сказалось на семейных отношениях между ней и матерью поэта. Но ее природные способности к пению перешли к внуку в виде поэтического дара. Нежность облика и поведение "не от мира сего" деда Никиты Осиповича также передались по наследству Сергею, который поражал всех недеревенским своим обликом. Есенин всегда осознавал это, и раздражался, когда его называли "крестьянским поэтом".

. -Я не крестьянский поэт, я просто поэт!

Александр Никитич и Татьяна Федоровна Есенины. 1905 год

Тонкая, интеллигентская натура Есениных воплотилась и в отце Сергея. **Александр Никитич Есенин** еще мальчиком пел в церковном хоре. У него был прекрасный дискант. Когда ему исполнилось двенадцать лет, матери предложили отдать его в рязанский собор певчим. Парень не согласился, и вместо собора его отправили в Москву в мясную лавку "мальчиком", где Александр Никитич проработал более тридцати лет. Исключительно честный, он был вежлив и выдержан с хозяином и покупателями, пользовался большим уважением и был вскоре назначен старшим продавцом. Оставался он работать продавцом и после революции. И только во время гражданской войны, в период массового голода, лавку закрыли. Александр Никитич вернулся в деревню.

"Слабосильный, - вспоминает младшая сестра поэта, - с молодых лет страдающий астмой, с детских лет переносивший житейские невзгоды, он вернулся домой больным человеком. Нелегка жизнь для него была и в деревне. Прожив всю жизнь в городе, приезжая домой только в отпуск, он не знал крестьянской работы, а привыкать к ней в этом возрасте было уже нелегко. Он не умел ни косить, ни пахать, ни молотить. Даже лошадь запрячь не умел. Да и сил у него не было. Все сильнее и сильнее его мучила астма, он тяжело дышал, и его бил отчаянный кашель...Сознавая свою непригодность и слабосилие, отец чувствовал себя не на своем месте и ходил всегда грустный. Целыми часами сидел он у окна, опершись на руку, и смотрел вдаль."

Татьяна Федоровна, мать поэта, прожившая почти всю жизнь в деревне, всегда занятая домашними делами, не могла понять, как можно сидеть вот так без дела и о чем-то думать. Заметив его, сидящего у окна, она часто потихоньку ворчала: «Опять утюпился в окно». Ее раздражала задумчивость и молчаливость мужа, который казался как бы не от мира сего, истинным "монашком", юродивым. Александр Никитич, конечно, не был юродивым - это был спокойный и психологически усталый человек. На фотографии того времени видно его интеллигентное лицо, аккуратно подстриженные усы и несколько печальные глаза.

По небольшим отрывкам из воспоминаний сестер Есениных, трудно проанализировать характер Александра Никитича Есенина. Скорее всего он обладал депрессивно-астеническим характером, был чрезвычайно чувствителен ко всякого рода неприятностям, остро реагируя на них, и какое-то неопределенное чувство тяжести лежало на сердце. Вынужденный отлучиться от семьи на тридцать лет, он постоянно ожидал какого-то несчастья, тревожился за семью, за работу. Может быть, ему казалось, что окружающие относились к нему с презрением или недоверием. Это заставляло его сторониться людей, замыкаться в себе, что стало более заметным после его возвращения домой. Малоразговорчивый, мрачный, он невольно отталкивал от себя сочувствующих ему людей.

Во внешних проявлениях депрессивных людей видны следы какой-то заторможенности: опущенные черты лица, медленная походка, бессильно повисшие руки, скупые, вялые жесты. Прекрасную характеристику своему отцу дала Александра Есенина. "Отец наш был худощавый, среднего роста. Светлые волосы и небольшая рыжеватая борода были аккуратно подстрижены и причесаны. В голубых выразительных глазах отца всегда можно было прочесть его настроение. Он не был многословным человеком, но его глаза всегда выражали то, что он думает. Он редко и кратко ругал нас и никогда не бил, если мы провинимся, но так посмотрит, что лучше бы побил.

Тяжелая жизнь наложила на эти глаза глубокий отпечаток, и в них иногда было столько грусти и тоски, что хотелось приласкать его и сделать для него что-либо приятное. Но он не был ласков, редко уделял нам внимание, разговаривал с нами как со взрослыми и не допускал никаких непослушаний".

Однако за этой угрюмой оболочкой у астенических типов обычно теплится большая доброта, отзывчивость и способность понимать переживания других людей; в

тесном кругу близких, окруженные атмосферой сочувствия и любви, они проясняются: делаются веселыми, приветливыми, разговорчивыми, даже шутниками и юмористами, хотя потом снова принимаются за копание в своих душевных ранах. Эти особенности характера Александра Никитича верно отметила его дочь Александра: " Но зато когда у отца было хорошее настроение, и он улыбался, то глаза его становились какими-то теплыми, лучистыми, и в углах глаз собирались лучеобразные морщинки. Его улыбка была заражающей. Посмотришь на него улыбающегося — и невольно становится весело и тебе."

И все-таки от отца Есенина веяло каким-то унынием. Астенический характер его проявлялся в нерешительности, в неспособности к какой-то действенной инициативе. Физическое самочувствие было подобно его настроению. Чувство усталости и разбитости проявлялось в нем постоянно, особенно в последний период жизни Александра Никитича. Эта склонность искать поддержки у других, это неумение обходиться без посторонней помощи являются также одной из отличительных черт психастенического характера. Не менее сильно боится он за участь своих близких и родных. Психастеник довольно педантичен, что подтверждает в своих воспоминаниях и дочь Александра Никитича, Александра. "Отец во всем любил порядок и был очень чистолюбив. Ему не нравилось, когда трогали его вещи, вплоть до мелочей, вроде чернил или карандаша. Для каждой вещи он отводил свое место, и, если кто-нибудь перекладывал что-либо, отец очень сердился. У него был отдельный сундук, который он всегда запирает, и ключ носил в кармане. Прожив много лет среди чужих людей, у него это вошло в привычку".

3. Титовы. Психология характеров

А со стороны матери дед Есенина - Федор Андреевич Титов - был известен как человек оригинальный и с сильным характером. "Умен в беседе, весел в пиру и сердит в гневе, дедушка умел нравиться людям", - характеризует его Екатерина Есенина. Он был недурен собой, высок ростом, серые глаза его поражали своей задумчивостью, а русые волосы и опрятность одежды он сохранил до глубокой старости. Федор Андреевич был четвертым сыном в семье, а в малоземельной Рязанской губернии четверым здоровым крестьянским молодцам в одном доме нечего было делать. Отправившись в Питер на заработки, братья нанялись рабочими на плоты или на баржи и плавали по воде все лето,

объединившись в артель. Почти все члены артели приобрели собственные баржи, и каждый стал сам себе хозяин.

В начале весны Федор Андреевич уезжал в Питер и плавал на баржах до глубокой осени. По возвращению он приносил большие пожертвования церкви, а затем, рассчитавшись с богом, Федор Андреевич устраивал большое веселье. Прямо у дома ставились бочки с брагой или вином, и все жители села бесплатно угощались. Веселье продолжалось неделю, а то и больше, затем все реже и реже, а к концу зимы и вовсе прекращалось за неимением денег. Тогда то и дело слышались гневные окрики хозяина, и начиналась брань за соль, спички, керосин.

Необузданность натуры Федора Титова проявлялась не только в его умении делать дело и в его купеческом русском разгуле. Неравнодушен он был к славе, к первенству на селе. Глядите, как бы говорил он, как я удачлив, богат, щедр. И господа отдам полагающееся и вам, сельчане мои. «Любил, любил старик похвастать, себя потешить, что и говорить, — вспоминала о нем соседка Анна Ефремовна. — Его хлебом, бывало, не корми, только дай ему гоголем себя среди других выставить...» Он даже часовенку выстроил напротив своего дома в благодарность Николе-угоднику за удачные дела в Петербурге.

Первенствовать любил Федор Андреевич и по наследству передал своему любимому внуку это неистребимое "желание к славе", страстное ощущение всегда и везде быть первым, известным, знаменитым. Все можно отдать ради этого греющего сердце чувства. Необузданность и эгоистичность Титова, жесткость в обращении с людьми, приводила к тому, что когда он сердился, то в доме его все замирали в преддверии настоящей бури. Своего младшего сына Федор Андреевич навсегда сделал несчастным человеком. "Сын его (дядя Петя), - пишет Е. Есенина. - был еще в детстве напуган коровой. Ему было лет восемь, когда он провинился и, боясь гнева бабушки, не пошел кланяться ему в ноги, а прятался на чердаке. Бабушка от такой дерзости рассвирепел. Он сам влез на чердак и, найдя сына, притаившегося в темном углу, взял его за шиворот и сбросил вниз".

Все эти черты деда Титова указывают на то, что он был психопатической личностью. Исходя из теории Ганнушкина о психопатических характерах можно предположить, что у Федора Андреевича преобладали, "эпилептоидные" черты. Дед Есенина был крайне раздражителен, доходя в ней до приступов неудержимой ярости. Ему свойственны были частые смены настроения (тоска, гнев, загул). Как все

эпилептоиды он был человеком активным, напряженно деятельным, страстный любитель сильных ощущений, настойчивый в своей работе и даже упрямым. В нем по каждому ничтожному поводу возникали бурные вспышки неудержимого гнева, которые иногда приводили к насилию.

Обыкновенно подобного рода люди очень нетерпеливы, крайне нетерпимы к мнению окружающих и совершенно не выносят противоречий. Если к этому прибавить большое себялюбие и эгоизм, чрезвычайную требовательность и нежелание считаться с чьими бы то ни было интересами, кроме своих собственных, то станет понятно, что поводов для столкновений с окружающими у эпилептоидов всегда много. Когда мать Сергея ушла от Есениных с трехлетним сыном на руках, Федор Андреевич взял внука к себе, но послал дочь в город добывать хлеб себе и сыну, за которого он приказал ей высылать три рубля в месяц. Он даже не подумал, что разлучает мать с сыном, нанося тем самым ей и Сереже определенную психологическую травму. Пока были деньги, Федор Андреевич кутил и гулял, но затем с его делом было покончено. Две баржи уничтожил пожар, а остальные утонули во время половодья. Титов был разорен, так как баржи не были застрахованы.

Он был подозрителен, обидчив, мелочно придирчив. Все он готов критиковать, всюду видит непорядки, исправления которых ему обязательно надо добиться. В семейной жизни эпилептоиды обыкновенно несносные тираны, устраивающие скандалы. Постоянно делают они домашним всевозможные замечания, мельчайшую провинность возводят в крупную вину и ни одного проступка не оставляют без наказания. Они всегда требуют покорности и подчинения себе и наоборот, сами не выносят совершенно повелительного тона у других, пренебрежительного к себе отношения, каких-то замечаний или выговора.

После краха Федор Андреевич установил в своем доме жесткий распорядок. Как диктатор, он старшего сына, Ивана, оставляет навсегда в городе, разлучая с женой, которая остается жить у него в доме. Среднего сына, Александра, он женит и оставляет дома, в деревне. Младшего, Петра, которого он сделал припадочным, заставлял помогать ему по дому.

Самодурство, домашнее тиранство, приступы гнева старика Титова сильно повлияли впоследствии на психику **его дочери Татьяны, матери Есенина**, особенно в период сватовства. Пока Татьяна росла девочкой, ее жизнь была безоблачной и веселой. "Наша мать - вспоминает Александра Есенина, - была единственной девочкой в доме

Титовых и поэтому была любимицей. Она была стройна, красива, лучшая песенница на селе, играла на гармонии, умела организовать веселую игру. Вообще в доме Титовых молодежь жила весело, и сам дедушка поощрял это веселье".

Но, став девушкой и ощутив первые порывы влечения к парням, она проявила некоторую самостоятельность. Отсюда началась ее драма и психологические стрессы, которые отразились на формировании характера ее сына. Все началось с того, что Татьяна Титова вышла замуж за Александра Есенина не по любви, а по воле своего отца. Именно Федор Андреевич присмотрел для дочери тихого, скромного, задумчивого Александра Есенина. Может быть, отсюда и всплыла сегодняшняя легенда о том, отмечает Ст. Куняев, что Александр Есенин покрыл ее девичий грех. Ведь была Татьяна Титова, как вспоминают ее подруги, «хороша необыкновенно» и все "считали ее первой деревенской красавицей».

Александра Ивановна Разгуляева — жена второго сына Татьяны, которого она прижила в годы разлада с Александром Есениным, вспоминает бурные вспышки неистового гнева деда Титова, который не выносил противодействия своим желаниям.

«Татьяна Федоровна рассказывала мне: отец ее кнутом, а она не шла за Есенина. «Я, — говорит, — сроду его не любила». А отец ее плетью: «Пойдешь, и все». — «Я, — говорит, — реву: «Не пойду!» А он: «Нет, пойдешь!»

Кроме самодурства отца на ее психику сильно подействовал и разлад между родителями молодых: Федор Андреевич повздорил с семьей Есениных, скорее всего с Аграфеной Панкратьевной, которая также была женщиной крутой и сильной по характеру. «Эта ссора тяжело отразилась на всей дальнейшей жизни матери, а особенно на детстве Сергея.", - отмечала Екатерина Есенина.

Александр Есенин и Татьяна Титова поженились очень рано, когда отцу Сергея было восемнадцать, а матери шестнадцать с половиной лет. Это произошло в 1893 году. Сыграв свадьбу на второй день Казанской божьей матери, Александр вернулся в Москву в свою мясную лавку, а Татьяна осталась в доме свекрови. "С первых же дней они невзлюбили друг друга, - пишет Александра Есенина, - и сразу же начались неприятности. Полной хозяйкой была бабушка. В доме ее по-прежнему жили постояльцы, их было много, и для них нужно было готовить, стирать, носить воду, за всеми убирать. Много работы легло на плечи матери, а в награду она получала ворчание и косые взгляды свекрови. По-прежнему наш отец высылал свое жалованье бабушке".

Вскоре положение еще более осложнилось: женился второй сын Аграфены

Панкратьевны, Иван. Его жена Софья сумела поладить со свекровью, и была ее любимицей. А бедной Танюше приходилось как "золушке" вставать чуть свет, доить коров, кормить скотину, убираться, готовить обеды и ужины для постояльцев. Изредка приезжал из города ее слабовольный муж, и в эти недолгие дни она ощущала себя не только работницей, но и женщиной. *"Вспоминая свою жизнь в эти годы в доме Есениных, - пишет Александра Есенина, - мать рассказывала о том, как бабушка иногда даже молока не давала ее детям, и мать, чтобы купить молоко, продавала вещи из своего приданого"*.

Между ними постоянно были ссоры. Такая напряженная жизнь в доме свекрови привела к тому, что у Татьяны, скорее всего, появилось так называемое «повреждение зачатка». К последствиям внутриутробных заболеваний и повреждений можно отнести тот факт, что «в грудном возрасте умерли, - как писал Есенин, - родившиеся ранее Петя и Аня, а в трехлетнем возрасте — младшая сестренка Ольга и брат Леня».

4. Рождение поэта в период стресса матери

И вот, наконец, на третьем году семейной жизни у психологически зажатой и уставшей Татьяны появился третий ребенок, мальчик, который подавал все надежды на относительно долгую жизнь. Сергей стал первым ребенком, оставшимся у Татьяны Федоровны в живых. Голубоглазый крепыш был любимцем и баловнем в доме Есениных, однако все было не так просто в жизни Татьяны Титовой и ее сына. Сложный характер поэта, о котором мы говорили, явился не только наследственным даром его предков. Различные невротические расстройства человека не могут ввергнуть его в состояние психоза, как это произошло с Есениным, без какого-либо важного фактора. По мнению А. Лоуэна, "существует только одно переживание, настолько травматическое, что может вдребезги разбить единство и целостность растущего организма. Это - ненависть матери к ребенку, причем ненависть, главным образом, бессознательная." Наиболее страшное воздействие она оказывает в самом раннем детстве.

Ненависть зачастую является конечным результатом жестокой фрустрации (реакция, связанная с разочарованием или неудачей) всех чувств и кульминацией брака без любви. Будучи неспособной вырваться из тисков неудачного брака и подыскать себе новый объект любви, обиженная и затравленная семьей мужа мать Есенина, видимо, бурно реагировала на то, что Александр Никитич редко появлялся дома. Сексуальная

недостаточность и холодность супруга ожесточала ее.

Известно, что ребенок женщины, испытывающей подсознательную ненависть, подвергается воздействию этого холода задолго до рождения. Если нет тепла в душе, то чего же ожидать от матки? Двое детей умерли, третьему – вряд ли досталась большая любовь. Подсознательная ненависть матери к Сергею не вылилась в настоящую сознательную ненависть. Она по-своему любила Сережу. Но ее частая депрессия, тяготы жизни, скандалы со свекровью и постоянное отсутствие слабовольного мужа отражалось на сыне. Неудивительно, что по воспоминаниям Софьи Виноградской: "Мать свою он в детстве принимал за чужую женщину, и, когда она приходила к деду, где жил Есенин, и плакалась на неудачи в семье, он утешал ее:

— Ты чего плачешь? Тебя женихи не берут? Не плачь, мы тебе найдем жениха, выдадим тебя замуж".

Приезжая в Константиново на побывку, Сергей редко общался с ней, убегая к друзьям или к Поповым. В письмах был несловоохотлив, обращаясь с простыми просьбами прислать что-либо, например, связать теплые носки.

Известный психотерапевт Л.Б. Хилл считает, что поверхностно такие матери могут хотеть и даже пытаться любить своего ребенка, но лежащая глубже ненависть мешает. «Действительность разочаровывает подобную мать, - пишет Хилл, - и разочаровывает жестоко и больно, заставляя увидеть в ребенке отражение своего прежнего внутреннего мира, в котором были смещены объекты любви и ненависти. Ребенок, выношенный ею во время жестокого стресса, еще недавно составлявший часть ее, появившись на свет, наследует ее состояние и сам становится объектом фрустрации с ее стороны». Однажды Есенин рассказал Наде Вольпин, с которой он делился своими детскими впечатлениями, как юношей лежал в тифу, бредил в жару. А мать открыла сундук, достала толстенный кусок холста, скроила, пристроилась к окну.

Сидит слезы ручьем... А сама живенько так пальцами снует! Шьет мне саван!
Затем помолчав, добавил:

- Смерти моей ждала! Десять лет прошло, а у меня и сейчас, как вспомню, сердце зайдет обидой, кажется, ввек ей этого не забуду! До конца не прощу.

Почему он сказал «ждала»? Мать ведь не ждала смерти сына, а... готовилась к ней. «Слезы ручьем!»...

К тому дню он еще мало что рассказывал мне о детстве своем, о неладах в семье. Все же я поняла: саван саваном, но есть что-то поважнее, чего он «ввек не забудет»

матери. Стараюсь одолеть в нем это «непрощение»: от него, думаю, больно ему самому. Да и «до конца не прощенную» мать мне вчуже стало жалко....

Но я помнила долго, всегда помнила. И спрашивала себя: почему он упорно сам в себе нагнетает это чувство — обиду на мать? Много позже узнаю: имя тому шизофрения".

Бессознательная ненависть, которую питала Татьяна Титова к своему сыну, повлияла на развитие характера Сергея, который приобрел с детства определенные шизоидные черты. Такое отрицательное отношение со стороны матери оказывает неблагоприятное воздействие на ребенка, которого она вынашивает в данное время. Именно этот момент депрессивного состояния матери в конкретный период и объясняет, почему один ребенок страдает этим душевным расстройством, тогда как его братья и сестры здоровы. И Катерина и Александра, сестры Сергея, были более нормальны и не имели таких сложных психических отклонений как их брат.

Бессознательная ненависть Татьяны к своему ребенку как бумерангом вернулась обратно, у Сергея появился комплекс подсознательной ненависти к матери, который приведет потом к накоплению шизоидных черт в его характере. Новорожденный получил в наследство целый комплекс противоречивых патологий: со стороны Есениных - мягкость, неумение устроиться в жизни, какую-то мечтательность, человек не "не от мира сего", слабость души, типичный набор психастенических черт характера отца Сергея. От деда Федора Титова – тягу к славе, к первенству, раздражительность, тиранство, умение трудиться и частые смены настроения, упрямство и эгоизм, себялюбие и требовательность к другим.

Психастенический характер Есениных совместился с эпилептоидными чертами Титовых. В этот наследственную передачу патологий включился и описанный выше механизм "повреждение зачатка", когда подсознательная ненависть матери к своему ребенку определила в нем и довольно сильные шизоидные и истерические черты характера. При рождении Сергей получил целый букет наследственных черт, относящиеся к конституциональным психопатиям. Мало того, его дядя, проживающий в Ревеле, обрелся в тяжелой алкогольной зависимости. В семье Есенина все пили. Он сам признавался незадолго перед смертью: "У нас в семье так со всеми было. Почти алкоголики, а на тридцатом году бросали..." Дальнейшая жизнь в семьях Есениных и Титовых наложит на психику Сергея дополнительные нагрузки, которые будут им тяжело переживаться и навсегда травмируют его психический склад.

Такие ненормальные для здоровья молодой женщины условия, в которых жила Татьяна, продолжалась около восьми лет. Вражда со свекровью и неприязнь к нелюбимому, слабовольному мужу нарастали. "Дедушка поздно хватился улаживать жизнь матери, - писала Александра Есенина. - и после неудачных попыток тоже стал чуждаться ее. Через несколько лет мать наша, имея на руках... Сергея, ушла от Есениных". Она вернулась в родительский дом, где не знала свободы, и снова оказалась под властью самодура-отца. К тому времени женились братья ее отца, у "дяди Саши" уже были свои дети. В доме стало тесно, и, чтобы не иметь нахлебников, Федор Андреевич оставил внука у себя, а дочь отправил на заработки в город.

К этому времени Федор Титов был уже разорен, две его баржи сгорели, а другие затонули, и все они были не застрахованными. Теперь он занимался только сельским хозяйством. Бедная Татьяна испытала еще один стресс в жизни. "Неграмотная, беспаспортная, не имея специальности, - вспоминала А. Есенина, - мать устраивалась то прислугой в Рязани, то работницей на кондитерской фабрике в Москве. Но, несмотря на трудную жизнь, на маленький заработок, из которого она выплачивала по три рубля в месяц дедушке за Сергея, она все время просила у нашего отца развод".

Жизнь в городе несколько отвлекла ее от тяжелой жизни, она познакомилась там с другим мужчиной, от которого прижила ребенка. Поэтому и просила развода, даже судилась. Однако Александр Никитич, считая развод позором, и, по-своему любя свою жену, был против. Татьяна Федоровна просила разрешения на получение паспорта, но, муж и в этом отказал ей. Промучившись пять лет, она вернулась в ненавистный ей дом Есениных. Через год у Татьяны Федоровны появилась дочь Катя, выношенная в относительно спокойной обстановке.

Редко кто из соседей заходил в дом Есениных, еще реже Татьяна Федоровна ходила к кому-нибудь из них. Она не была строга, хотя никогда и не ласкала детей, как другие матери: не погладит по голове, не поцелует, так как считала это баловством. Нищему не подавала больше гривенника, но если к человеку пришла беда, то одной из первых приходила на помощь. С другой стороны, как бы замаливая свои грехи, Татьяна Федоровна, не думая о себе, навещала больных и помогала, чем могла. Очень жалела она сирот и часто кормила и обмывала их.

5. Сиротство при живых родителях

После того как его мать вернулась в отчий дом, четырехлетний Сережа оказался в другом мире, в другой, новой для него семье. «Детство провел у деда и бабушки по матери в другой части села, которое называется Матово, - писал Есенин в своей "Автобиографии". - Первые мои воспоминания относятся к тому времени, когда мне было три-четыре года".

Наталья Евтеевна Титова, в отличие от Аграфены Панкратьевны, была женщина тихая, кроткая и ласковая. Она создала в жизни Сергея спокойную обстановку. Была она набожна, любила ходить по церквам и монастырям. "Бабушка любила меня изо всей мочи, - вспоминал Есенин, - и нежности ее не было границ. Как пушкинская бабушка Марья Алексеевна Ганнибал, или знаменитая Арина Родионовна, Наталья Евтеевна в долгие зимние вечера рассказывала своему внуку сказки, пела песни, духовные стихи, передавала детскому уму массу впечатлений о русской старине.

Мальчик не только слушал с интересом, но иногда и сам под впечатлением рассказанного начинал фантазировать и «сочинять». "Стихи начал слагать рано, - отмечал Есенин в своей "Автобиографии", - толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад. Стихи начал писать, подражая частушкам".

С другой стороны и дед, Федор Андреевич, несмотря на самодурство, как мы говорили, детей маленьких любил, как любил свою дочь Татьяну в детстве. Внуку он, кроме жуткого характера, так же передал много из духовной жизни простых крестьян.. "Дедушка пел мне песни, - писал Есенин в "Автобиографии", - старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и священную историю". В беседе с хорошим другом своим литератором И. Н. Розановым Сергей Есенин как-то заметил: «Оглядываясь на весь пройденный путь, я все-таки должен сказать, что никто не имел для меня такого значения, как мой дед. Ему я больше всего обязан... Это был удивительный человек. Яркая личность, широкая натура, «умственный мужик". И в стихах и в автобиографиях Есенин подчеркивал большую роль, которую сыграл в его жизни дед Федор Андреевич Титов.

Пять лет Сергей жил у дедушки Федора. Вроде бы счастливой она представлялась поэту в его идеализации прошлого, хотя на самом деле не была такой райской и безоблачной. Дед и бабка хороши, но отсутствие родителей резко отразилось на всем поведении мальчика и на развитии его характера. Рос Сергей без материнской любви и ласки и бессознательная ненависть его к матери, сформированная в период рождения, только усиливалась. Сиротство при живых родителях всегда глубоко травмирует душу

ребенка. Екатерина, старшая сестра Есенина с горечью вспоминала: "Мать пять лет не жила с нашим отцом, и Сергей все это время был на воспитании у дедушки и бабушки Натальи Евтеевны. Сергей, не видя матери и отца, привык считать себя сиротою, а подчас ему было обидней и больней, чем настоящему сироте. Бабушка Наталья Евтеевна часто кормила его потихоньку от снох, на всякий случай, чтобы не вызывать неприятностей".

Очень показательны эти слова. В доме много народа, у двух сыновей свои семьи и их жены злятся на маленького чужака, который объедает их, пользуется плодами их тяжелого труда. Да и дед иногда проявлял свой буйный характер. Один раз дед устроил сильный скандал. Мальчик со страху убежал в другое село к тетке и не показывался до той поры, пока не простили.

Сыновья деда Титова тоже по глупости обращались с ребенком, как с собачкой для игры. Трех с половиной лет они посадили Сергея на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Потом учили плавать, бросая как щенка в воду. Мальчик чуть не захлебывался, а дядья кричали «Эх, стерва! Ну куда ты годишься?» Здоровым мужикам и в голову не приходило, что они могут покалечить психику ребенка, и что их брат Петя стал припадочным именно из-за того, что отец его в гневе сбросил с чердака. Ранить доверчивое юное сердце легко, но потом как трудно зарубцовываются, если вообще проходят, нанесенные психические травмы.

Сирота при живых родителях! Как Некрасов и Лермонтов, и отчасти Пушкин, Есенин тяжело переживал отсутствие родительской руки и нежности. Впечатлительность, душевная хрупкость, комплекс одиночества, который преодолевался напускной дерзостью, шалостями, молодечеством, за которым скрывался замкнутый и психически неустойчивый мир будущего поэта. Детство без родителей оставило в душе Есенина глубокую травму. Пережитое отозвалось не одной грустной и тревожной строкой в его юношеских стихах.

Догадался и понял я жизни обман,
Не ропщу на свою незавидную долю.
Не страдает душа от тоски и от ран,
Не поможет никто ни страданьям, ни горю.

В результате у Сережи не развивалось чувство принадлежности к семье, к своим

родичам, а наоборот, возникало чувство глубинной небезопасности и смутного беспокойства. Это так называемая "базальная тревожность", по терминологии Карен Хорни. Мальчик начал ощущать свою изолированность и беспомощность в мире, воспринимая его как враждебный по отношению к нему. Сереже необходимо было найти такое поведение и такое психологическое состояние, которое облегчало бы его базальную тревожность. Обычно ребенок, считает Карен Хорни, стремится уменьшить это неприятное психологическое состояние разными способами: попытаться бунтовать и бороться, либо не допускать других в свою внутреннюю эмоциональную жизнь. При этом он решает свою психологическую задачу, выбирая одну из трех альтернатив: движение по направлению к другим, против них или от них. Ребенка влечет во всех направлениях сразу, он или поддакивает взрослым, исполняя все их прихоти, или конфликтует и сопротивляется, или, наконец, равнодушно спокойно наблюдает за ними.

В данном случае речь не могла идти об агрессивном разрешении базального конфликта, потому что Сережа был не такой как все. Его тонкая, нервная, но самолюбивая натура искала другой выход. Сопротивление, конфликты: все это было, но основное, что сформировалось в его характере - некоторое равнодушие к окружающему его миру, жизнь собственной внутренней жизнью, своими мечтами и своими чувствами.

Многие односельчане замечали, что "У Татьяны сын какой-то не такой", "не от мира сего", "Он не такой как мы. Он Бог знает кто". Даже прозвище получил он от деда - Серега-Монах. Потому и общался Сергей больше со своим "припадочным дядей", часто уезжая на Оку поить лошадей. Этот "юродивый", наивный и больной человек, которого ярость отца сделала недоумком, стал первым другом Сергея, учил его плести корзины, вырезать красивые палки, делать свистки. Дядя Петя старался по-своему скрасить жизнь мальчика, но и со сверстниками Есенин общался; и обычная деревенская жизнь с ее проказами, купаньем, походами в лес не прошла мимо него. И каждый раз при общении с ребятами проявлялось у Есенина чувство самоуверенности, жажды первенства, определенный эгоизм, нетерпимость к чужому мнению.

Сережа не был сильным и выносливым, как остальные крестьянские ребята. В Сергее чувствовалось нечто женственное - этот облик постоянно возникал перед его современниками. Полетаев отмечал в наружности поэта эти особенности: " волосы цвета спелой ржи, как будто кипевшие на точеной красивой голове, пышные, волнистые; черты лица тонкие, почти девичьи; голубые глаза, блестящие необычной улыбкой". Основой психопатии поэта являлась "шизоидность" его характера, полученная в наследство от

родителей, и выражающее первичные, нежные и чувствительные порывы его души, хотя в характере поэта выделялись и черты истерической психопатии. Даже в наружности Есенина было что-то особенное, не от мира сего. Шизоидный характер слабо ощущает связь между собой и окружающим его миром, который является для него источником различных переживаний. При этом, отмечает А. Лоуэн, **"способности его к духовным переживаниям, к нежности, к сопереживанию и сочувствию огромны. Себя шизоид воспринимает как существо духовное, полное глубоких чувств, нежности и пр."**

Но, наверно, навеки имею

Нежность грустную русской души.

Из воспоминаний современников и родных известно, что Есенин признавался, как из-за физической слабости, но более от душевной чувствительности, он часто терпел в детстве неудачи, пытаясь выглядеть сильным и крепким. "За озорство меня ругала только одна бабка, - вспоминал поэт, - а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: «Ты у меня, дура, его не трожь. Он так будет крепче».

Пытался Сергей быть как все и даже лучше всех. Но не получалось никак. Не хватало физических сил. Однажды он с друзьями, Николаем Сардановским и москвичом Костей решил переплыть Оку. "Костя перемахнул реку легко и быстро. - вспоминает Сардановский. - Вторым был Сережа, а я кое-как плыл с малой скоростью. Переплыв реку, я увидел, что Сергей сидит на отлогом песчаном откосе и отплеивается кровью, по-видимому, переутомился".

Для шизоида внешний мир является источником зла и непонимания. Он с трудом осваивает его и для него существование во внешнем мире есть вопрос выживания. Поэтому из-за шизоидности своего характера Есенин выбрал третий путь успокоения своей "базальной тревожности" - он эмоционально отошел от окружающих его людей, хотя внешне как бы живет их развлечениями и интересами. Никого не допускать в свою внутреннюю жизнь он научился очень рано, в результате у Есенина начинает формироваться потребность **возвыситься над другими**. Это подсознательное чувство явилось началом его отчуждения от себя. При общении с другими людьми у мальчика вырабатывается потребность скрывать свои подлинные чувства, желания и мысли. Они перестают быть главными факторами его душевного развития. "Нежное Я" Есенина начинает скрываться в подсознании и на первый план прорывается его "гордое Я",

результат **самоидеализации**. Это искусственное «Я» должно было дать травмированной психике Сергея опору в жизни, поднять его в собственных глазах, и, несмотря на слабость его натуры, подарить ощущение силы и значимости.

Невротическое развитие Сергея приводит к тому, что буйная фантазия начинает играть в его жизни заметную роль в его рассказах. Причем в этой игре воображения постоянно искажается реальность, которую сам Есенин не осознает. Дед Титов в его воспоминаниях представлялся богатым старообрядцем, воспитывавший внука в своей вере, он постоянно переиначивает события своей жизни в своих "Автобиографиях".

Есенин начинает творить легенду о себе еще с юных лет. "Среди мальчишек, - пишет Есенин, - я всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах". "После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавая по озерам за подстреленными утками. Очень хорошо я был выучен лазить по деревьям. Из мальчишек со мной никто не мог тягаться". Он везде подчеркивает свою силу, ловкость, любит в разговоре упомянуть, как дрался со сверстниками, "вел себя как герой", был ловчее, удачливее других. Хотя на самом деле не скандалистом и сорванцом рос Есенин, по словам Ст. Куняева, а скорее мечтателем. Мечтал о любви, тайне, дружбе. Эта мечтательность порой оборачивалась для него тяжким сознанием собственного изгойства, и он сам начинал обвинять себя в этом.

Подрастая, Есенин все более отдаляется от жизни крестьян, от их нехитрых интересов, проникаясь радужным миром земной красоты, или погружается в себя, оставаясь наедине со своими мечтами. Вспомним, как любовался он зарей, которая, подобно котенку на крыше, «моет лапкой рот»; как переживал, что лошади на Оке чуть-чуть было «не выпили» луну; как однажды был удивлен, увидев, что «словно яйцо, расколовшись, скользнул месяц за дальним холмом»; как вслушивался в звонкий говор «духовитых дубрав», что «кличут ветками к реке». Сколько раз позднее согревали и успокаивали поэта бесконечно дорогие его сердцу воспоминания детских лет!

Процесс самоидеализации, происходящий в детском возрасте, очень сложен. Есенин как бы постоянно говорит себе: "Забудь о том, каким презренным созданием ты в действительности являешься. Пусть тебя не любят, пусть не ценят, но вот каким ты должен быть. Важно только то, что помогает тебе быть этим идеализированным Я. Ты должен все вытерпеть, все понять, любить всех". Эти навязчивые понятия "долженствования" соединяясь с тонкой и мечтательной, шизоидной натурой поэта, создали в его сознании установку всегда источать свет и нежность. Это долженствование

быть добрым и нежным Есенин распространил на всю свою жизнь, а, в особенности, на свое детство, которое в его стихах и рассказах погружено в золотистую дымку. .

6. Первые ростки эгоцентризма

После безуспешных попыток получить развод, через пять лет отсутствия Татьяна Федоровна вернулась к мужу. Пришлось ей переехать к Есениным в старый двухэтажный дом. И снова пришлось Сереже менять свою жизнь и приспособливать свой непростой характер к другим людям и к другому быту. В конце 1904 года, когда Сережа уже начал посещать Константиновскую школу, семья объединилась. Когда дом деда в 1910 году сгорел, родители поэта построили новый. Навсегда сохранил Сергей Есенин светлые и волнующие воспоминания о днях, проведенных под отчим кровом:

...А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Но это лишь поэтически идеализированные воспоминания о счастливом и беззаботном детстве. В действительности Сергей вернулся с матерью в строгий и угрюмый дом, где хозяйствовала другая бабушка и другая сноха (жена дяди по отцу). Маленький Сережа до смерти бабушки не мог привыкнуть к этому дому и часто из школы уходил к Титовым. Новые переживания наслаивались в тонкой психике мальчика. В глубине души он ощущает неуверенность в себе, его легко задеть, ему нужно постоянное подтверждение своей ценности. Сережа хочет быть сильным, значительным, пользоваться уважением и похвалой.

Ему нужна была ласка, теплота, забота, доверие взрослых и поощрение своих действий. Однако все окружение Есенина не способствовало нормальному, спокойному развитию его психики. Холодное отношение матери, жесткость характера деда Титова и бабки Есениной - все это явилось неблагоприятными факторами в невротическом развитии Сережи. Его самоидеализация - это попытка залечить психологическую травму путем мысленного вознесения себя над грубой крестьянской реальностью. И здесь вместо твердой уверенности в себе у Есенина появляется невротическая гордость. Она начинает охватывать все его психические силы: интеллект, способности, разум.

Особенно заметны они стали во время учебы Сергея в Константиновской начальной земской школе, куда он пошел учиться в 9 лет.

Первыми учителями Сережи были Иван Матвеевич и Лидия Ивановна, которые учительствовали в этой школе более тридцати лет. Они были строгими учителями и суровыми людьми. В классе у них была тишина, и за малейшую провинность они драли учеников за уши, ставил в угол на колени. В школе Сергей вечно стоял в углу, и, хотя занимался дома меньше других, но отвечал лучше. Много читал, пользуясь библиотекой отца Ивана, хотя и своих книг у него было порядочно. Имея отличную память Сергей много стихов знал наизусть. Не только способности, но и озорство Есенина бросалось в глаза. Таким способом он хотел утвердиться, стать заметным, отличиться от других. Несмотря на хорошую учебу, Сережа за шалости в третьем классе был оставлен на второй год.

Самоутверждение Есенина началось уже в школе. В подростковом возрасте явно стал просматриваться его "нарциссизм", влюбленность в свой "идеализированный образ" - образ сорванца, коновода, первого во всем. Не получая родительской ласки, натерпевшись от дядьев и снох, Есенин начинает верить в то, что является помазанником, хозяином своей судьбы, пророком. Будучи одаренным более других, Сергей тем более утверждает себя в своем мироощущении.

"Среди учеников он всегда отличался способностями, - вспоминает его товарищ по школе Клавдий Воронцов. - и был в числе первых учеников. Когда кто-нибудь не выучит урока, учитель оставлял его без обеда готовить уроки, а проверку проводить поручал Есенину. Он верховодил среди ребятшек и в неучебное время. Без него ни одна драка не обойдется, хотя и ему попадало, но и от него вдвое". Часто Есенин собирал ребят на кладбище, рядом с церковью у обрыва к реке, заставляя их либо рассказывать, либо петь. За интересный рассказ Сергей хвалил, а потом сам говорил о своих подвигах, проделках, о своем умении, чтобы подтвердить свою самооценку восхищением и преданностью друзей. Но не все могли стерпеть претензии Сергея на первенство и его притязания находили отпор. "Бывали и такие случаи, - пишет Клавдий Воронцов. - когда ..за это ему от ребят попадало".

Но не только о похождениях «деревенского озорника» помнят школьные товарищи Есенина. Одноклассник Сергея Калинин рассказывал, что Есенин был одарен ясным умом, отвечал на уроках бойко, особенно когда декламировал стихи Некрасова, Кольцова, Никитина. Все сверстники Есенина единодушно признают, что уже в

школьные годы он был заядлый книголюб. И в этом не было ничего удивительного. Сергей был жаден до книг, стремился познать мир из них, стать более значительным, отличным от других. Но домашние относились к этому увлечению Сергея с некоторой подозрительностью, а для матери книгочейство сына было даже опасным.

Непонимание матери не способствовало их взаимному сближению. Но самым важным фактором развития его невротического «поиска славы» стал нарождающийся поэтический дар, богом данная способность писать стихи, в которых отражалось пульсирующее бытие мира и красота окружающей его природы, мучающие его сердце проблемы и осознание своей душевной утонченности, уникальности своей натуры и своего идеализированного «Я». Свой необыкновенный дар Сергей осознал рано. «Пробуждение творческих дум началось по сознательной памяти до 8 лет" - отмечает он в "Автобиографии". А в стихотворении «Мой путь» поэт говорит, что, когда «империя вела войну с японцем»,

Тогда впервые
С рифмой я схлестнулся.
От сонма чувств
Вскружилась голова.
И я сказал:
Коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплещу в слова.

Одноклассники случайно узнали где-то в середине учебы, что Есенин пишет стихи. Сергей показал их как-то учителю Власову. Однако тот равнодушно и строго сказал:

- Ты, Сережа, учись. А сочинять всякие глупости не твое дело. Рано еще тебе.

Развитие литературного таланта Есенина имел возможность наблюдать еще с 1910 года сын школьной учительницы Николай Сардановский, которому Сергей показывал свои первые опыты. **Писание стихов становится для Есенина новой формой самоутверждения, самым главным процессом развития его "гордого Я", хотя в содержании стихотворений больше проявлялись свойства его "нежного Я".**

Незаметно подошло и время окончания школы. В мае 1909 года Есенину вручили похвальный лист, подарки, и дали рекомендацию для поступления в Спас-Клепиковскую

учительскую школу или в Рязанское духовное училище. Отец Иван, близкий друг семьи Есенина, настаивал на продолжении учебы. Родители тоже хотели, как вспоминает поэт, чтоб он был сельским учителем. Однако Сергей с неохотой стал собираться в Спас-Клепики, и матери пришлось отвести его туда самой.

7. Ущемленное самолюбие, стремление к первенству

Второклассная учительская школа в Спас-Клепиках представляла собой типичную школу-интернат. Сергей жил там и учился с 1909 по 1912 годы в среде мальчиков, собранных со всей Рязанской губернии. Поэтому очень важным для развития его психики было налаживание отношений со своими соучениками. Как Пушкин в Лицее, или Лермонтов в юнкерском казарменном общежитии, Есенин должен был подлаживаться под общие правила жизни, что для его психической установки поиска славы, жажды признания и первенства было крайне тяжело. Необычная натура поэта все более выделялась и общей толпы ребят. Он отличался своей чувствительностью, психологической уязвимостью, и в тоже время ему наносились удары по его самолюбию и гордости. Первые конфликты с ребятами вынудили его сбежать из Спас-Клепиков, хотя вернуться туда все-таки пришлось.

Подчиняясь своему основному бессознательному принципу поиска славы, Есенин стремится занять первенствующее положение в среде мальчиков. Основное внимание он уделяет учебе и литературным занятиям, интерес и любовь к которым у воспитанников к литературе всячески поощрял и развивал школьный учитель словесности Евгений Михайлович Хитров — первый литературный наставник поэта. Он очень проницательно описал юного Есенина: "Отличительной особенностью его характера было - жизнерадостность, веселость и даже какая-то излишняя смешливость и легкомыслие. Усидчивостью и аккуратностью в исполнении школьных работ не отличался, а постоянными разговорами и смехом среди урока вызывал часто неудовольствие и порицания. Но обижаться на него было нельзя. Шутки его были невинны, к тому же всякое порицание он обезоруживал чистосердечным раскаянием и общему мягкостью и нежностью своего характера. Вдобавок в искупление своей вины — глядь, уже несет какое-нибудь свое стихотворение на просмотр". Внешне Есенин был добросердечным, веселым, стремясь завоевать доверие друзей и учителей, хотя самолюбие его при этом страдало.

Как и Пушкин, обладая хорошими способностями, Есенин порой к занятиям готовился на ходу, прочитывая задания в перемену. Большинство же его товарищей были более усидчивы и исполнительны. У Есенина сложились свои правила и установки в жизни. Внешнее принуждение он терпел с трудом, общие правила поведения психологически его зажимали, и вызывали чувство раздражения. Считая, что только его восприятие мира правильно, и только его поведение исключительно, над теми, кто был особенно усерден и прилежен, он часто прямо-таки издевался. Иногда дело доходило до драки.

Интернатский режим продолжает угнетающе действовать на юношу, и Есенин старается использовать любую возможность, чтобы вырваться из стен школы. В мае 1911 года Сергей с тоской пишет К. Воронцову: "Скоро уже июнь, а я все еще томлюсь в этой тюрьме и не дождусь, когда распустят". В такой ситуации единственным утешением для Сергея стало стихотворчество. Это была страсть, которая охватила юношу целиком и полностью. Когда в классе читались произведения Пушкина, вспоминает Хитров, "не было такого жадного слушателя у меня, как Есенин. *Он впивался в меня глазами, глотал каждое слово. У него первого заблестят глаза и появятся слезы в печальных местах, первый расхохочется при смешном*". С этого времени Пушкин стал просто манией Сергея. Став известным поэтом, Есенин постоянно облачался в пушкинскую накидку, красовался около его памятника, часто говорил о нем, и постоянно сравнивал себя с Александром Сергеевичем.

Но первые поэтические опыты Есенина не находили отклика ни среди преподавателей, ни среди друзей. Учитель литературы Хитров, удивляясь, по его словам, легкости его стиха своего подопечного в первые два года мало обращал внимания на его литературные упражнения, не находя в них ничего выдающегося. А приятель Сергея Николай Сардановский вообще говорил, что "*его намерения и способности писать стихи ничуть не возвышали его в наших глазах, а его заносчивость при оценке своего таланта и его постоянные разговоры о своих стихах казались нам скучными*, хотя все это было результатом его сильнейшего стремления поскорее и побольше получить какие-либо сведения по литературе вообще и мнение о его стихах - в особенности".

Есенин претендует на то, чтобы другие относились к нему в соответствии с его грандиозными представлениями о себе. Он чувствует, что имеет право на особое внимание, предупредительность, уважение к его таланту со стороны других. Его претензии на уважение и понимание понятны и оправданы. Но вся особенность

невротических претензий в том, что Есенин не осознавал их как претензии. Подсознательно он считал, что сам ничего не должен делать со своими проблемами; все трудности его жизни коренятся не в нем самом - измениться должны другие. Они должны признать его исключительность и гениальностью. Именно другие не должны беспокоить его, а благоговейно внимать его творениям.

Однако писание стихов было обычным занятием среди учеников школы и способности Сергея никого не удивляли. В школе среди товарищей-однокурсников у Есенина были сильные соперники в поэтическом творчестве. Из них наиболее выдающимся был некто Е. Тиранов. Поначалу произведениям Тиранова в школе отдавали предпочтение. Его стихи были мрачные, скорбные, тяжеловатые, посвященные гражданским темам. Такого рода поэзия больше нравилась преподавателям и ребятам к лирике Сергея, поэтому и относились сдержанно. "Стихи его были короткими, - отмечал Хитров, - сначала все на тему о любви. Это мне не особенно нравилось. А на другие темы стихи были, как мне казалось, бессодержательными".

Постоянное соперничество между Есениным и Тирановым тревожили Сергея, вызывали у него гнев и ревность. В результате - уязвленное самолюбие из-за непризнания его талантов, драки и ссоры с одноклассниками. Это развивало в Есенине мнительность, внутреннее сопротивление; все более ощущалась его исключительность, ощущение собственного пути и особого призвания. В Сергее развивается, в отличие от обычной, сильная невротическая эгоцентричность. "Эгоцентричность невротика, - пишет Карен Хорни, - строится на совершенно более сложной основе. Он постоянно занят собой, потому что его влекут собственные психологические потребности, разрывают собственные конфликты, и он вынужден цепляться за свои своеобразные решения".

Приезжая на каникулы домой, Сергей полностью погружен в собственные проблемы. Окружающее его мало интересует. По-прежнему проводит время с ребятами, проявляя свою заносчивость и ложную обиду. Есенин в глубине души не был связан со своими друзьями чувством товарищества, или если можно так сказать, чувством группы.. Он не ощущал себя ее частью, не обладал чувством принадлежности к ней. Скорее всего Сергей использовал своих сотоварищей (что часто будет происходить и в будущем) для своего личного престижа. Его эгоцентризм, стремление выглядеть не таким как все, явно бросается в глаза. Приезжая в Константиново, он погружался в свои книги и ничего не хотел знать. Мать и добром и ссорами просила его вникать в хозяйство, но из этого

ничего не выходило. Зато из дома Поповых (так называли дом священника Смирнова) Сергея было просто не вытащить.

Дома Сергей только спал и работал, весь свой досуг проводя у Поповых. Любивший выглядеть красивым и обаятельным, Сергей, одевшись в свой хороший, хоть и единственный, костюм, ежедневно отправлялся к Поповым. Себялюбивый, он даже стеснялся своих родных, считая лишь себя "любимцем богов". Как-то мать и сестра Екатерина решили сходить на театральное представление, устраиваемое в доме священника в честь именин его дочери Капиталины. Они пришли на кухню, где Татьяна Федоровна решила побыть до начала представления, чтобы не попасть на глаза Сергею. Когда началось представление, служанка повела их в горницу. Неожиданно их увидел Сергей, и, страшно рассердившись, потребовал, чтобы мать и сестра сейчас же ушли домой. "Иначе я уйду отсюда,— резко сказал Есенин.

8. Чувство безнадежности и постоянная грусть

Внешнее поведение Есенина представляло собой выполнение обязательных, как бы обрядовых действий, не затрагивающих его истинные чувства и потребности. Потому, что главным в жизни Сергея была поэзия, которая поглотила его почти все силы и все его интересы.

Во второй половине июня 1911 года Есенин ездил в Москву к поэту И.А. Белоусову. "Передо мной стоит скромный белокурый мальчик, - вспоминает поэт, - и до того робкий, что боится даже присесть на край стула, - стоит, молча, потупившись, мнет в руках картузок... Не помню, какие стихи он принес. Но я сказал поэту несколько сочувственных слов. А молодой поэт стоял, опустив глаза в землю." Обворожительность, скромность, детская простодушная непосредственность, о которой мы говорили, все это начинает проявляться в Сергее на его трудном "пути к славе". Он уже уверен в своем призвании, в своем предназначении; внешняя скромность - это бессознательное действие, направленное на получение определенного результата, на желание понравиться. Однако внутренне Есенин уже был готов к завоеванию поэтического Олимпа.

В августе 1911 года Сергей выехал в Москву, где установил связи с Суриковским литературно-музыкальным кружком писателей из народа. Есенину — 16 лет. Когда он впервые прочел свои стихи, посыпались возгласы одобрения: "Браво, Есенин, браво!"

Хорошие у вас стихи, сочные, крутые!" Все эти похвалы проливали бальзам на сердце юного поэта.

Но в конце августа Сергею снова пришлось вернуться в Спас-Клепики для занятий в школе, хотя внутри горело только одно желание - стать "поэтом". Но все попытки выдвинуться, получить хотя бы первые слова признания, натываются на противодействие и непонимание окружающих. Сергей не может понять, что у других есть их собственные желания, мнения, своё отношение к жизни, что они критически смотрят на него и возражают против его гонора, самолюбия, выдвигательства. Поэтому любая критика в его адрес ощущается им как изощренная враждебность и вызывает постоянную обиду. Сергей часто раздражается гневом, дерется, свысока смотрит на своих сокурсников.

Гриша Панфилов. 1912 год

Единственным другом его был Гриша Панфилов, с которым Сергей познакомился в 1911 году. Григорий был несколько старше Есенина и занимался в школе уже второй год, они быстро подружились, почувствовав между собой духовную близость, общность литературных интересов. Панфилов был большим книголюбом, нежной и романтической личностью, остро воспринимающей грубость и несправедливость окружающего мира. Незадолго до окончания школы после очередного столкновения со своими конкурентами Сергей в июне 1912 года пишет из Константинова своему другу гневное письмо, в котором выражает все свои невротические претензии и глубокое презрение к окружающим его ребятам.

"Гриша...я поспешил скорее убраться из этого ада, потому что я боялся за свою башку. Все-таки мне зло сделал Епифанов, он облил сундук керосином. Что ты мне прописал про их гулянье, я нисколько этому не удивляюсь, потому что я уже был уверен в этом, *а на глупые выходки Тиранова я смотрю как на сумасшествие. Он часто беснуется. В нем, вероятно, живет легион, поэтому ему не мешает попросить своего ангела, чтобы он его исцелил. А Яковлев настоящий идиот. Из него, я уверен, ничего не выйдет. И вот он окончил школу, но бесполезно. А Калабухов самая дрянь и паскуда..*".
(курсив авт.)

Есенин мыслит себя пророком, который может открыть миру какие-то особые

ценности. В этом еще раз убеждаешься, читая одно из писем Есенина к Панфилову, относящееся к 1913 году: «Благослови меня, мой Друг, на благородный труд. Хочу писать «Пророка», в котором буду клеймить позором слепую, увязшую в пороках толпу. Если в твоей душе хранятся еще помимо какие мысли, то прошу тебя дай мне их как для необходимого материала. Укажи, каким путем идти, чтобы не зачернить себя в этом греховном сонме. Отныне даю тебе клятву, буду следовать своему «Поэту». Пусть меня ждут унижения, презрения и ссылки. Я буду тверд, как будет мой пророк, выпивающий бокал, полный яда, за святую правду с сознанием благородного подвига". Конечно, в этих словах есть определенная патетика, подражательность, но в тоже время мы можем увидеть в стихах и письмах семнадцатилетнего Сергея горечь от равнодушия окружающих его людей. Свои переживания и чувство безнадежности Есенин выразил поэтически в цикле стихотворений "Больные думы".

Цикл "Больные думы" - это поэтическое выражение базальной тревожности Есенина, его чувства изолированности и беспомощности перед враждебным миром.

Нет сил ни петь и ни рыдать,
Минуты горькие бывают,
Готов все чувства изливать,
И звуки сами набегают.

К концу обучения в школе Есенин постоянно испытывает недоверие к другим. Он склонен ожидать худшего и поэтому, сознательно, или неосознанно, но в Сергее усиливается страх перед людьми. Его неуверенность в поэтическом будущем тесно переплетена со страхами, которые возникают в нем в результате искаженной картины об отношении других к его творчеству. Боязнь, что его стихи не понравятся, не вызовут положительного отклика, полностью сформирована тем фактором, что именно во власти окружающих дать оценку его таланту или не дать. При всей презрительности к действиям своих сокурсников, Сергей полностью беспомощен. Его гордость усиливает эту беспомощность.

Сергей становится крайне уязвимым, особенно в оценке своего творчества.

Я ль виноват, что я поэт
Тяжелых мук и горькой доли,

Не по своей же стал я воле -
Таким уж родился на свет.

Есенин не совсем верно, даже искаженно оценивает свои переживания. Из-за того, что одни образы у него слишком яркие, а другие более бледны, он не в состоянии различить фантазию и реальность, не может сделать четкой разницы между виденным и только что пришедшим ему в голову. Есенин не воспринимает реально свои способности и окружающую действительность, в которой он лишь один из многих, выражающих стихами свои мысли и настроения. Все это порождает мрачные настроения и у Сергея разыгрывается болезненное воображение. Даже названия стихотворений говорят о тяжелом периоде депрессии в жизни юноши.

ДУМЫ

Думы печальные, думы глубокие,
Горькие думы, думы тяжелые,
Думы от счастья вечно далекие,
Спутники жизни моей невеселые!

СЛЕЗЫ

Слезы...опять эти грустные слезы,
Безотрадная грусть и печаль;
Снова мрак... и разбитые грезы
Унеслись в бесконечную даль.

МОИ МЕЧТЫ

Мои мечты стремятся вдаль,
Где слышны вопли и рыдания,
Чужую разделить печаль
И муки тяжкого страдания.

Многие есениноведы считают весь цикл "Больные думы" и многие другие стихотворения спас-клепиковского периода несамостоятельными, подражательными и однообразными. В этом есть доля правды, тем более, что сам поэт никогда не вспоминал об этих стихотворениях и не включал их в различные сборники.

Однако важно понять, что кроме подражаний Надсону, Кольцову, Никитину и может быть Лермонтову, в этих стихах Есенин выразил мироощущение того периода своей жизни. Ощущение неудовлетворенности, слабости, неудачи, различные комплексы, охватившие его, сомнения в выбранном пути - все это как в зеркале нашло отражение в "Больных думах".

И даже свои любовные увлечения Сергей обставил тяжелым и нервным поведением, в котором постоянно звенел внутренний конфликт борьбы между любовным чувством и самолюбивой гордостью. Его претензии не принесли ему радости в любовных чувствах ранней юности; они не дали ему настоящей, долгой и искренней любви в возрасте самого расцвета.

9. Несчастливая первая любовь

Есенин был парнем хоть куда. Золотоволосый, синеглазый, он заставлял трепетать не одно девичье сердце. Когда Есенин приезжал в Константиново, вспоминает сестра Сергея, "много девушек заглядывалось на наш небольшой уютный дом". Несмотря на женственную внешность и несколько спокойное в сексуальном плане развитие, мужская натура Сергея начинает брать свое. Мать с беспокойством относилась к его увлечениям.

Первые увлечения юноши носили детский, романтический характер. Еще до отъезда в Спас-Клепиковскую школу Сергей подружился с сестрой своего товарища — Анной Сардановской. Приезжая летом из школы, он часто встречался с ней. Мать, ревностно следившая за увлечениями сына, через служанку в доме Поповых, Марфушу, знала о каждом шаге Сергея у Поповых.

Однажды к именинам тети Капы готовили домашний спектакль. Сергей должен был играть возлюбленного молоденькой учительницы. Но сам он ни о чем дома не говорил, а Марфуша, как всегда, доложила матери.

— Ты приди, кума, поглядеть, уж есть хорошо, есть хорошо у них получается, оба они молодые, красивые. Сначала все целоваться стеснялись, а потом понравилось.

Константиновские старожилы вспоминают, как «однажды летним вечером Анна и

Сергей, покрасневшиеся, держа друг друга за руки, прибежали в дом священника и попросили бывшую там монашенку разнять их, говоря: «Мы любим друг друга и в будущем даем слово жениться».

Позднее Есенин писал в стихотворении «Мой путь»:

В пятнадцать лет
Взлюбил я до печенок
И сладко думал,
Лишь уединюсь,
Что я на этой
Лучшей из девчонок,
Достигнув возраста, женюсь.

В период их увлечения Есенин посвятил Анне Сардановской стихотворения «За горами, за желтыми долами...» и «Зачем зовешь...». Любовь для Есенина той поры - это способ снятия психологического напряжения и возможность духовно соприкоснуться с человеком, понимающим тебя. Любить для него - означает погружаться в некое возвышенное экстатическое чувство, терять себя, сливаясь с другим существом, становясь одним сердцем, одной плотью, и в этом слиянии находить единство, которое он не может найти в себе. И мы никогда не поймем всю глубину этого чувства без осознания невротической раздвоенности Сергея, его ощущения своей неполноценности и неудачливости.

Подсознательно Есенин считал, что только единение с другим существом, понимающим его претензии на славу, психологически укрепит его и избавит от терзающих его конфликтов. Романтически пишет он о своей первой любви.

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь -
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.

Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,

Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться любви и кресту.

Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом спасителя
За погибшую душу мою.

Новое чувство под названием любовь рождает в юноше подсознательную надежду на удовлетворение, мир, единство - все это крайне необходимо Сергею для спокойствия духа. Есенин увлечен девушкой, постоянно помнит о ней, ждет каждой встречи. Мечтой о любви наполнены многие строки ранних стихов Есенина. "Чист, непосредствен образ лирического героя этих стихов. - пишет Юрий Прокушев. - Ничто пока не омрачает его взора, «васильками светится» его сердце. Таинственно влечет и манит его девичья красота"

Залюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.

Эротические элементы ранней лирики Есенина большей частью подражательны, но в них уже проявляется возникшие желания более близкого общения с женщинами.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,

Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

Может и была какая-то идеализация деревенской любви, но она происходила от страстной тяги Есенина к полному единению с понимающим его трагическое мироощущение человеком. В шестнадцать лет, он пишет по -настоящему есенинское стихотворение "Выткнулся на озере алый свет зари...", в котором отчетливо проявилось столь характерное для поэзии Есенина в дальнейшем "буйство глаз и половодье чувств».

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

Это — трепетное, эмоциональное стихотворение о любви-мечте, о страстном желании любви-гармонии, о полном погружении влюбленных друг в друга. Но если в стихах своих отношение к любви у него простое, навеянное обыкновенным поведением деревенских юношей и девушек, то в жизни он ищет человека с которым мог поделиться своими переживаниями, девушку-друга, понимающую его непростую натуру. С Аней Сардановской отношения складывались трудно. Самолюбивый Есенин, занятый своими поэтическими проблемами, был, видимо, малоинтересен для веселой и жизнерадостной девушки. Но судьба сводит Сергея с ее подругой, Машей Бальзамовой, в переписке с которой полностью раскрываются его подлинные чувства и переживания тех лет.

Летом 1912 года Сергей пишет из Москвы Грише Панфилову: «Перед моим отъездом недели за две, за три, у нас был праздник престольный. К священнику съехалось много гостей на вечер. Был приглашен и я. Там я встретился с Сардановской Анной (которой я посвятил стихотворение «Зачем зовешь т. р. м.»). Она познакомила меня со своей подругой (Марией Бальзамовой). Встреча эта на меня также подействовала, потому что после трех дней она уехала и в последний вечер в саду просила меня быть ее другом. Я согласился. Эта девушка тургеневская Лиза

(«Дворянское гнездо») по своей душе и по своим качествам, за исключением религиозных воззрений. Я простился с ней, знаю, что навсегда, но она не изгладится из моей памяти при встрече с другой такой же женщиной".

Маша Бальзамова родилась в селе Дединово в семье дьякона, а в 1910 году переехала с родителями в Рязань. В 1912 году она по окончании епархиального женского училища, стала работать учительницей. Образованная, интересная девушка понравилась Сергею и он снова, не найдя отклика в душе Анны, пытается найти в который раз понимание в девичьем сердце. Новое увлечение Сергея чем-то задело Анну Сардановскую. Больше всего злилась ее сестра Серафима. На Есенина посыпались обвинения. Невротическая психика Есенина не выдерживает этих коллизий. Он чувствует себя глубоко задетым. Не понимание другими его проблем, его поэтических исканий - единственное, что он ценит в себе - переживается им как отвержение его самого.

А быть отвергнутым означает для Сергея не только утрату всех его надежд на будущее. Есенин ощущает как бы свою никчемность в этой жизни. Мать и отец не понимают его и не хотят этого понимания. Любимой девушке также малоинтересны его трагические думы. Чуть позже Анна Сардановская вышла замуж, забыв о своей юношеской любви. О разрыве с ней Сергей исповедуется Маше Бальзамовой.

"Милая, милая Маня. Ты спрашиваешь меня о моем здоровье; я тебе скажу, что чувствую себя неважно, очень больно ноет грудь. Да, Маня, я сам виноват в этом. Ты не знаешь, что я сделал с собой, но я тебе открою. Тяжело было, обидно переносить все, что сыпалось по моему адресу. Надо мой смеялись, потом и над тобой. Сима открыто кричала: «Приведите сюда Сережу и Маню, где они?» Это она мстила мне за свою сестру. Она говорила раньше всем, что это моя «пассе», а потом вдруг все открылось. Да потом сама она, Анна-то, меня тоже удивила своим изменившимся, а может быть — и не бывшим порывом. За что мне было ее любить? Разве за все ее острые насмешки, которыми она меня осыпала раньше? Пусть она делала это и бессознательно, но я все-таки помнил это, но хотя и не открывал наружу. Я написал ей стихотворение, а потом (может, ты знаешь от нее) — разорвал его. Я не хотел иметь просто с ней ничего общего. Они в слепоте смеялись надо мною, я открыл им глаза, а потом у меня снова явилось сознание, что это я сделал насильно, и все опять захотел покрыть туманом, - все равно это было бы напрасно. И, может быть, когда-нибудь принесло мне страдания и растравило бы белее душевные раны. Сима умерла заживо передо мной, Анна -

умирает...

Я, огорченный всем после всего, на мгновение поддался этому и даже почти сам сознал свое ничтожество".

Есенин чувствует себя обиженным, что его многочисленные претензии не выполняются, возникает негодование к другим и чувство жалости к себе из-за несправедливого обращения. Хотя более мучительными являются для него обиды, которые он сам наносит себе путем самоумаления, путем упреков себе, презрения к себе и собственного мучения. Желание поделиться своими переживаниями - типичный невротический способ преодолеть свою обиду и унижение. Он хочет вызвать сочувствие и желание помочь ему.

В принципе, Есенин драматизирует совершенную по отношению к нему несправедливость, постоянно застревает на ней. Чувствуя себя жертвой, он как бы защищается от ненависти к себе, которая вызвана его незначительными поэтическими успехами и неудачей в любовно-дружеских отношениях. "Все его скопившиеся горькие обвинения против других, - анализирует поступки невротика Карен Хорни, - выходят тогда на передний план; его претензии становятся открыто мстительными и неразумными; его ненависть к себе становится осознанной и достигает грозных размеров. Его состояние - состояние неослабного отчаяния. У него может быть тяжелая паника и велика опасность самоубийства". Эти чувства психологически захватывает Сергея целиком и провоцирует сильное внутреннее напряжение.

"И мне стало обидно на себя, - признается далее Есенин в письме к Маше. Я не вынес того, что про меня болтали пустые языки, и... и теперь оттого болит моя грудь. Я выпил, хотя не очень много, эссенции. У меня схватило дух и почему-то пошла пена; я был в сознании, но передо мной немного все застилалось какою-то мутною дымкой. Потом,— я сам не знаю, почему,— вдруг начал пить молоко и все прошло, хотя не без боли. Во рту у меня обожгло сильно, кожа отстала, но потом опять все прошло, и никто ничего-ничего не узнал. Конечно, виноват я и сам, что поддался лживому ничтожеству, и виноваты и они со своею ложью".

Эта первая попытка поэта нанести себе вред в период резкой депрессии и сильной фрустрации своих чувств. С июля месяца, после их первой встречи, он пишет Маше Бальзамовой трагические, печальные и, в тоже время мелодраматические письма, желая как бы вызвать сочувствие в девической душе. Его многочисленные претензии к миру, к людям, как бы дают ему право на исключительную преданность и не удовлетворение его

многочисленных душевных потребностей. Есенин чувствует свое право быть любимым, он ищет понимания своей слабости, страдания и самопожертвования. После попытки нанести себе вред, он пишет Маше трогательное послание.

"Маня!.. Ну вот, ты и уехала... Тяжелая грусть облегла мою душу, и мне кажется, ты все мое сокровище души увезла с собою.

Что было мне делать, — я не смог и придумать. Почему-то мешала одна дума о тебе всему рою других. Жаль мне тебя всею душой, и мне кажется, что ты мне не только друг, но и выше даже. Мне хочется, чтобы у нас были одни чувства, стремления и всякие высшие качества. Но больше всего, одна душа - к благородным стремлениям...

Скверное мое настроение от тебя не зависит, я что-то сделал с собой, чего не могу никогда -никогда тебе открыть. Пусть это будет чувствовать моя грудь, а тебя пусть это не тревожит. Я написал тебе стихотворение, которое сейчас не напишу, потому что на это нужен шаг к твоему позволению.

Тяжелая, безнадежная грусть! Я не знаю, что делать с собой. Подавить все чувства? Убить тоску в распутном веселии? Что-либо сделать с собой такое неприятное? Или — жить, или — не жить? И я в отчаянии ломаю руки,— что делать? Как жить? Не фальшивы ли во мне чувства, можно ли их огонь погасить? И так становится больно-больно, что даже можно рискнуть на существование на земле и так презрительно сказать самому себе: зачем тебе жить, ненужный, слабый и слепой червяк? Что твоя жизнь? ..Незавидный жребий, узкая дорога, несчастье в жизни..."

Сергей постоянно задается гамлетовским вопросом "быть или не быть? То ли смириться с трудностями, полностью осознав свое ничтожество и покончить счеты с ненавистной жизнью, то ли "ополчась на море бед, сразить их одним ударом". Какой путь более легок и в чем сладость каждого пути? Конечно же, Есенин выберет дорогу славы, на котором его идеализированное Я познает много прекрасного и трагичного, но... пока же состояние Сергея вызывает тревогу. Его чувствительная натура требует и ждет искренней поддержки и понимания от любимой.

"Дорогая Маня! - пишет он в следующем письме. Я стараюсь всячески забыться, надеваю на себя маску веселия, но это еле-еле заметно. Хотя никто, я думаю, не догадывается о моей тоске. Ты ничего никому не открывай об этом. Главное. Меня терзают такие мелкие и пустые душонки, например, как Северовы, которые всячески стараются унижить меня перед собою и приносят своими глупыми словами обиду и горечь. Но что— делать? Они — такие, а я — такой. Прости меня. Маня, за такое

холодное письмо, я в негодовании на них.

Ох, Маня! Тяжело мне жить на свете, не к кому и голову склонить, а если и есть, то такие лица от меня всегда далеко и их очень-очень мало, или, можно сказать, одно или два. *Так, Маня, я живу. Мать нравственно для меня умерла уже давно, а отец, я знаю, находится при смерти. Потому что он меня проклянет, если это узнает. Вот так и живи! Людишки, чтобы меня немного успокоить,— приносят обиду.* (курсив авт.) Маня, Маня! Зачем ты — такая? Жалеешь меня, это тебя не стоит. Я еще больше люблю тех, которые мне вредят, хотя и в то же время ненавижу. Зачем тебе было меня любить и меня вызывать и возобновлять в душе надежды на жизнь. Я благодарен тебе и люблю тебя Маня,— как и ты меня. Хотя некоторые чувства ты от меня скрываешь...

Прощай, дорогая Маня; нам, верно, больше не увидеться. Роковая судьба так всегда шутит надо мною. Тяжело, Маня, мне! А вот почему?"

Есенин постоянно видит в людях причину своих трудностей и переживаний. Может он просто провоцирует их плохо к нему относиться, становясь благородной жертвой, страдающей от низкого и жестокого мира. В письмах его и Бальзамовой и к Грише Панфилову золотой нитью проходит психологическое ощущение, что Есенин испытывает какое-то удовлетворение от чувства обиды и ненависти на людей. Это чувство позволяет ему втайне ощущать свое превосходство над другими, надевать на себя венец мученика, тем самым ставя свою враждебность к другим на законное основание. Эта скрытая враждебность постоянно выражается в форме обид, жалоб, презрения к мирским ценностям. «Живу ли я, или жил ли я?» - жалуется Есенин Грише Панфилову, — такие задаю себе вопросы после недолгого пробуждения. Я сам не могу придумать, почему это сложилась такая жизнь, именно такая, чтобы жить и не чувствовать себя, то есть своей души и силы, как животное. Я употреблю все меры, чтобы проснуться. Так жить - спать и после сна на мгновение сознаваться, слишком скверно".

Вот в таком состоянии духа Есенин начинает новую, взрослую жизнь после окончания учебы в Спас-Клепиковской школе. В мае 1912 года он с чувством удовлетворения покинул ненавистное ему учреждение, светлым пятном в котором были для Сергея занятия литературой, чтение книг и постоянное сочинительство, ставшее его призванием на всю жизнь. Как поэт он еще только формировался, но желание достичь огромных высот уже крепко засело в его гордой и самолюбивой душе.

"Когда он окончил курс и мы с ним расстались, - вспоминает Е. Хитров, - я ему советовал поселиться где-нибудь в Москве или в Питере и там заниматься литературой под чьим-нибудь хорошим руководством. Иначе трудно надеяться, чтобы стать на современный уровень литературных исканий и быть замеченным". Эти слова как бы подтолкнули внутреннее есенинское убеждение в своем высоком призвании, и он окончательно выбрал путь нелегкой судьбы погони за славой, за признанием, уходя с головой в творчество, данное ему от Бога.